

Я Н У Ш Л Е О Н

ВИШНЕВСКИЙ

ГРАНД

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44
В55

Janusz Leon Wiśniewski
Grand

Перевод с польского *Марины Тогобецкой*
Художественное оформление *Екатерины Фerez*

Фотография на обложке используется по лицензии
фотоагентств Corbis/All Over Press
Photographer: Kirn Vintage Stock

Вишневский, Януш Леон.

В55 Гранд : [роман] /Януш Леон Вишневский ;
[пер. с пол. М.В. Тогобецкой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2015. — 384 с. — (Эксклюзивная но-
вая классика).

ISBN 978-5-17-094123-0

«Гранд» — новый пронзительный роман Януша Вишневского, мастера тонкой, чувственной прозы. Писатель словно водит нас по номерам исторического отеля в Сопоте, в котором в разное время жили Гитлер, де Голль, Марлен Дитрих, Шакира, Путин, и посвящает в секреты его современных постояльцев. Здесь за каждой дверью скрывается одиночество, но отель «Гранд» всем даст шанс изменить свою судьбу. Кто сумеет распорядиться им верно?

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44

Copyright © Grand, 2014, by Janusz Leon Wiśniewski
All Rights Reserved

© Фото: Corbis/All Over Press
© Тогобецкая М., перевод, 2014
© ООО «Издательство АСТ»,

ISBN 978-5-17-094123-0

издание на русском языке, 2015

*Внешне отель должен представлять собой нечто вроде триптиха. Левое крыло необходимо внутри обить войлоком, чтобы там можно было разместить умалишенных. Правое крыло предназначено для преступников. Вместо газона перед входом в отель нужно сразу спроектировать кладбище для самоубийц. На фронте отеля следует поместить слова Данте: *Lasciate ogni speranza* — «Оставь надежду всяк сюда входящий».*

Гданьская газета, апрель, 1922 год

Она сунула пальцы в мокрый песок и стиснула кулаки. Глаза не открывала. Вслушивалась. Ощутила, как холодные капли воды падают ей на голени. А на бедра не падают. «А ведь должны бы падать и на бедра, — думала она, — но нет!»

Они уже открывают сейчас эти свои серебристые зонтики, вот-вот начнут фотографировать. Боже! Черт! Мама! Она зажмурилась изо всех сил и прижалась лицом к песку, чтобы укрыться от вспышек.

— Да вы, барышня, не бойтесь, — услышала она хриплый голос, — все под контролем, я и о ботиночках ваших позаботился. И мишку плюшевого вашего нашел. Он, конечно, мокрый насквозь, бедолага, но на солнышке-то высохнет, сто процентов.

Она медленно повернула голову и чуть открыла один глаз. Разваливающийся ботинок из потрескавшейся кожи, рваный в нескольких местах, шнурки развязаны. Серая от грязи повязка с темными пятнами засохшей крови, пережатая черным ремешком. Съехавшая

вниз. И поэтому открывающая гноящуюся рану. Обрезанная по колено штанина — сами штаны из потертого золотистого вельвета. Небрежно свисающий кончик потрепанной веревки, заменяющей ремень. Выцветшая, когда-то, возможно, темно-синяя дырявая майка. Синтетическая неоновожелтая блестящая жилетка. Расплывшаяся, размазанная от старости татуировка на предплечье — как будто огромный синяк. Огромные глаза. Такие огромные, что кажется — собственные глазницы им малы. Улыбка как у счастливой жабы. Между губами торчат слишком большие зубы. К нижней губе приклеена сигарета. Изборожденное морщинами лицо — такое бывает у тех, кто много думает и много тревожится. Длинные, растрепанные, нечесанные волосы — седые, свернувшиеся в мокрые косички на концах. Кое-где спадающие на выпученные лягушачьи глаза.

— Я тут около вас, барышня, встал, потому что платяшко-то у вас намокнуть могло, да и воспаление легких схлопотали бы. Запросто.

Он держал над ней раскрытый зонтик. Выгоревший, в красно-оранжевую полоску. Такой, какие бывают на пляже.

— До девяти часов зонтики-то бесплатные. А в воскресенье — так и до двенадцати. А вас, барышня, кто-то, видать, обидел? Как же можно так — одну, без присмотра, у моря на песке-то оставить! Тут же вокруг негодяи всякие так и шныряют, их этот отель притягивает как магнитом — летят словно мухи на мед.

— Какой отель? — спросила она, протягивая руку в сторону его ботинка.

— А тот, что за пляжем. Отель как отель. Ну, только что новый, отремонтированный. Но когда-то был тут другой, старый. Старше меня даже, поди. Но я его и сейчас люблю. Столько тут всего было, о! Я им поливаю платаны, иногда розы подстригаю. А то ведь занемогут. Моя жена всегда эти платаны любила. Говорила, что они красивые. Как Юлечка наша научилась ходить — так она мне сказала с ней по воскресеньям на такси ездить к этим платанам. Чтобы она, значит, свежим воздухом дышала и йодом насыщалась. Вот я их и поливаю. Потому что они красивые. Даже зимой. Даже когда они такие голые, как скелеты стоят. Но платаны, они с душой.

* * *

— Вам, барышня, прикурить? — неожиданно спросил он. — Хотя у меня только спички. Но руки-то у меня чистые... — добавил он.

Она села. Стряхнула пальцами песчинки с лица и шеи. Отряхнула платье и сумку, на которой лежала. Потянулась к наполовину пустой бутылке вина, стоящей на песке, приложилась к горлышку. Потом вытерла тыльной стороной ладони рот и подняла руку с бутылкой кверху. На коленях подползла к ногам незнакомца. Старательно завязала шнурки, болтающиеся на обоих ботинках.

Вытащила из сумки несколько влажных салфеток для снятия макияжа и одну из них побрызгала своими духами.

— Я промою вам рану, можно? — спросила она.

Очень аккуратно и деликатно протерла кожу, покрытую желтым гноем, на его ноге. Медленно развязала черный ремешок, осторожно приподняла повязку, подтянула ее и снова перевязала ремешком.

— Вы сдержанный и скромный человек, правда? — спросила она, поднимая голову.

Она заметила, что он прикрыл веками свои выпученные глаза, а кончиками пальцев она чувствовала, как он весь дрожит.

— Слишком туго? Вам больно? Или, может быть, духи щиплют? — спросила она.

Он не отвечал. Поднеся бутылку ко рту, с жадностью сделал несколько глотков. Она прижалась щекой к его ноге.

— А как вы думаете... тот, кто сдержанный и скромный — он лучше других? Ну или хотя бы добрый? Как вы думаете?

Она вытащила из сумки сигареты, прикурила сразу две, подняла руку с одной сигаретой вверх.

— Я, знаете ли, — говорила она, затягиваясь сигаретой, — кое-кого теряю. Того, кто считает, что он лучше других только потому, что живет в скромности и сдержанности. Потому что ничего миру о себе не рассказывает. И вот этим он меня

вначале и покорил. А потом оказалось, что он не говорит ничего потому, что говорить-то и нечего. Потому что он ничего не достиг. По его мнению. Но меня-то это нисколько не смущает. И вдобавок он ошибается, понимаете, он же ошибается! Потому что мне совершенно неинтересны эти его «достижения», которые можно предъявить этому долбаному чертову миру. Потому что он и есть мой мир — и все эти остальные, они не в счет. И в моем мире его достижения самые что ни на есть значительные, значительнее не бывает! Только вот он этого не понимает... Можно при вас иногда чертыхаться? Потому что при нем вот — нельзя, а иногда ведь без этого никак, правда? Он думает, что я сквернословлю потому, что хочу быть похожей на тех, кто сквернословит. Он почему-то считает, что эти, с известными фамилиями, ругаются без конца, а я хочу походить на них. Быть такой, как они... — А вы? Как вас зовут — спросила она, поднимая голову.

— Я? Меня зовут Мариан Стефан Убогий. Но все называют меня просто Убожка. Даже милиционеры — то есть полицейские, конечно, — ответил он, возвращая бутылку.

— О черт! Так я могу тогда при вас ругаться как сапожник — раз у вас не фамилия, а кличка! — рассмеялась она в голос.

— А это вино кислое какое-то. Это, наверно, мода сейчас такая — пить кислое вино. Вот как найдешь у отеля бутылочку — так либо пустая, либо кислятина. А ведь водка на пляже — она как

лекарство. А ругаться... ругаться — оно несимпатично. Но если вам, барышня, уж так надо — так вы уж не стесняйтесь. Ну а фамилия — просто фамилия. Я ее получил от отца и деда, — добавил он тихонько.

— Ну вот. Пожалуйста, простите меня. Это я так — от злости на него. Моя бабушка по второму мужу носила фамилию Убожка. Так что это я так — от злости только. Простите меня, пожалуйста, — она стиснула его руку. — И знаете, не нужно больше держать этот зонтик. Уже и дождь ведь кончился. С вашей стороны это так любезно!

— Но ветер-то сегодня с востока такой, что аж с ног сбивает. Так что подержу еще пока, утром всегда самый сильный бриз, — ответил он.

— А который час? — спросила она.

— Думаю, что пять точно есть. Вон уже свет в кухне зажгли, а они свет включают как раз около пяти, чтобы к завтраку все было готово.

Она вынула из сумки телефон. Несколько сообщений. И ни одного от него. И звонить он не звонил.

Все сообщения из редакции. А ведь даже ее мать знает, что после полуночи не надо ей писать. Потому что она либо спит, либо пишет, либо занимается любовью. Но этих, в редакции, это совершенно не волнует. Ей поэтому приходится каждые полгода менять номер телефона, в соответствии с корпоративной этикой уведомляя об этом директора. И всякий раз она себя чувствует потом слов-

но пес, спущенный с цепи, но с вшитым за ухом чипом.

— Вы правы. Уже четверть шестого. А может быть, вы даже знаете, какой сегодня день?

— Сегодня уже пятница...

Она встала. Медленно пошла к волнам, бесшумно разливающимся по берегу. Приподняла юбку, заправила ее в трусы и осторожно двинулась дальше. Когда вода коснулась бедер, чуть наклонилась и зачерпнула ее ладонью — полную пригоршню. Умыла лицо. Один раз. Потом второй. Потом еще. И еще. Наклонялась, зачерпывала ладонями утекающую сквозь пальцы воду и терла руками лицо. Снова и снова. Будто под гипнозом. Вдруг перестала, повернулась лицом к пляжу и откинула голову назад. Набегающая волна намочила ей волосы. Расчесывая их пальцами, она побрела на берег.

— О как. Я, значит, вас, барышня, от дождя защищаю — а она в холодную Балтику полезла. Да еще в одежде! — с укором сказал мужчина, когда она подошла к нему.

Она прикурила сигарету. Подняла сумку и обувь.

— Мне нужно было смыть с себя остатки прошлой ночи. А Балтика, кстати, не такая уж холодная, — улыбнулась она и наклонилась, стряхивая воду с волос, — ей хотелось, чтобы капли попали на его голые голени. Ох как хорошо! У нас тут еще немного кислятины осталось, — сказала она, протягивая руку к бутылке, которая торчала в песке

между его стопами. — Допьем, пока совсем не рас-
свело.

Она отпила небольшой глоток, оставляя ему.
Он положил зонтик на песок, поправил свою
желтую безрукавку и взял бутылку из ее вытяну-
той руки.

— Вас, случайно, не Юлия зовут? — тихо спро-
сил он.

— Нет. Но очень похоже. Вы со мной позавтра-
каете?

— Как это — позавтракаете? — спросил он сму-
щенно.

— Ну, завтрак... яичница, сосиски, творог,
булка с маслом, помидоры, апельсиновый сок и
кофе. Позавтракаете? Завтракать в одиночестве
нельзя.

Он смотрел на нее некоторое время, постукивая
пальцами по губам. Потом опустил голову и тихо
произнес:

— Я не могу пригласить вас, барышня, на
завтрак. У меня нет на это денег. Прошу проше-
ния...

Она сжала ладони, сдерживая слезы. Кажется,
она его расстроила.

— А почему это обязательно мужчина должен
приглашать женщину на завтрак? Вот почему?
Потому что так принято?! Почему я не могу при-
гласить вас на завтрак? Давайте-ка вы не будете
строить из себя старосветского пана Убогого, пото-
му что на самом деле...

— Убожка, — перебил он ее.

— Вот да. Убожка, я знаю, — закончила она, кусая губу. — Где тут вход в этот отель? Вы меня проводите?

— С другой стороны. Тут довольно прилично идти. Нужно обойти пляж и выйти на улицу к подъезду. Или по лестнице за фонтанами, потому что в такую рань калитка на пляж может быть закрыта, а привратника не добудишься. Я уж его знаю.

— Это ведь «Гранд-отель», да? И мы сейчас находимся в Сопоте, да? — перебила она его.

— Так оно и есть, в самую точку, барышня. Это «Гранд», — ответил он.

Она выудила из сумки кожаную косметичку, открыла пудреницу.

— Вы можете сделать для меня кое-что еще, прежде чем мы туда пойдем? Не подержите мне зеркальце? — спросила она с улыбкой.

Он немедленно выплюнул сигарету и бросил зонтик на песок. Вытер влажные ладони о штаны, приблизился к ней и неуверенным, осторожным движением взял пальцами пудреницу. Она придвинулась к зеркальцу и, выдавив немного тоника на ватный диск, начала протирать лицо.

— Что ж вы мне не сказали, что я выгляжу как старая пьянчужка, которую выбросили на помойку после закрытия пивной? — улыбнулась она ему. — Если бы меня здесь в таком виде застали папарацци и сделали бы парочку фотографий — я потеряла бы остатки своей репутации. И уже навсегда. Никто бы не поверил мне, что я просто заснула на